

но связана жизнь каждого человека. В то время трудовая деятельность заметно отличалась от той, что свойственна современной поре. Из отчетов видно, что студенты вуза принимали активное участие в трудовых акциях, которые в истории коммунистического воспитания получили название «Трудовой семестр» [5, с. 15]. По окончании каждого такого трудового семестра комсорги групп КГИК сдавали отчеты о трудовой деятельности студентов.

Общественно-полезный труд и другие формы совместной деятельности помогали формировать молодежную среду советского времени. Комсомольская работа также была сферой, где можно было приобрести организационно-управленческий опыт. В советское время много внимания уделялось возвращению будущих руководителей, «осмысленных не как чиновники-бюрократы, а как организаторы-производственники, способные управленцы» [6, с. 168].

Таким образом, комсомольская организация КГИК 1970-х гг. действительно играла важную роль в жизни недавно созданного вуза. От ее активности зависело решение многих задач, которые решал коллектив института.

Библиографический список

1. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 9195.
2. Артамонова Л.М. Использование методов «истории повседневности» и «устной истории» в реконструкции прошлого вузов культуры (на примере СГАКИ) // Культура и образование. 2008. № 1 (1). С. 31-34.
3. Артамонова Л.М. Самарская государственная академия культуры и искусств: год первый. Самара, 2006. 137 с.
4. Конохова А.С. Отношение студенческой молодежи в ВЛКСМ в конце 1950-1960-х гг. // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы науч. конф. СПб., 2013. С. 70-77.
5. Рубина Л.Я. Советское студенчество: социологический очерк. М., 1981. 207 с.
6. Смирнов Ю.Н. Осмысление, конструирование и моделирование социального в истории России: новые подходы в коллективной монографии уральских ученых // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4 (51). С. 163-172.

А.В. Брачунова

Самарский национальный исследовательский университет

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИСТОРИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ В. ЕРОФЕЕВА «МОСКВА-ПЕТУШКИ»)

О поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» говорят как об «энциклопедии русской жизни» XX века; она остается одним из самых известных произведений того времени. Автору удалось совместить описание низменного быта маргинальных слоев населения с высоконравственными

размышлениями, прямое цитирование Евангелия с марксистско-ленинской теорией, отсылки к классикам русской литературы с советскими канцеляризмами – вся поэма построена на антитезе, что отражается и в ее названии. «Москва – Петушки» – одновременно и сатира на советское общество 1960-х гг., и притча с христианскими мотивами.

Основываясь на тексте поэмы «Москва – Петушки», мы попытаемся провести герменевтический анализ и исследовать интертекстуальные связи с творчеством Ф.М. Достоевского. Методологические подходы герменевтики помогают интерпретировать исторический источник и добиваться глубокого истолкования, поскольку «герменевтика имеет целью «установление ценностных, диалогических отношений понимания, сознания, сочувствия, соучастия» [5]. Исследование строится на предполагаемой параллели персонажей «Веничка Ерофеев – Семен Мармеладов – Федька Каторжный – “карамазовщина”» и историческом контексте поэмы.

Сюжет поэмы – поездка главного героя Венички Ерофеева на электричке из Москвы в Петушки. Во время своего путешествия герой встречает попутчиков, много размышляет и еще больше – пьет. Сама ситуация беседы в поезде незнакомых людей берет свое начало в русской литературной традиции из «Идиота» Ф.М. Достоевского [3, с. 58]. Важен и сам герой – алкоголик, маргинал, в то же самое время стремящийся к одухотворенности и Богу – чисто «достоевский» персонаж.

Следует сказать, что цитирование и многочисленные аллюзии являются не только характерной чертой Ерофеева как писателя, но и характеристической его произведения как постмодернистского. «Нагромождение цитат» открывает широкий простор для герменевтического анализа, т.к. даже если текст цитаты предполагаемо ясен и известен читателю, за ним может скрываться множество подтекстов. Таким образом, задача герменевтики заключается в дешифровке этих подтекстов.

Семен Мармеладов, персонаж романа «Преступление и наказание», такой же заядлый пьяница, как и Веничка: «...это был человек добрый и благородный; одно худо... уж бог знает с кем он не пил...!» [1, с. 296]. У Мармеладова есть жена и дети, так же как у Венички есть возлюбленная и сын. Они показаны, как любящие отцы, которые всегда порадуют ребенка гостинцем («пряничный петушок» Мармеладова и «стакан орехов» у Ерофеева), но люди, которые не могут победить свои искушения, которые раздавлены окружающим миром и обстоятельствами, и сами это понимают: «Пусть я дурной человек...», – говорит Ерофеев [2, с. 26]; пьяный Мармеладов в трактире признается Раскольникову: «Пусть, пусть я подлец... такова уже черта моя, а я прирожденный скот» [1, т. 6, с. 14]. Но главное сходство персонажей в том, что они мыслят, пытаются анализировать свое существование. Это и размышления, и споры, и загадки Сфинкса у Ерофеева; вечное разрешение загадок бытия у Достоевского («Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды» – говорит Дмитрий Карамазов [1, т. 14, с. 99]).

Важен в этом плане исторический контекст. У Достоевского это – время процветания «разгульного» Петербурга 1860-х гг., общества, в котором начинают разрушаться устойчивые имперские основания, у Ерофеева – конец 1960-х гг., когда рушатся коммунистические мечты, и в обоих случаях – упор на общество, которое понимает упаднические настроения, но ничего не собирается с ними делать и принимает их.

На всем протяжении романа говорится о том, как важна одухотворенность в человеке, у Ерофеева «душа, как у троянского коня пузо, многое вместит» [2, с. 61], что сопоставимо с идеей Достоевского о широте русской души, как писал Горький о Федоре Карамазове: «Это – несомненно русская душа, бесформенная и пестрая, одновременно трусливая и дерзкая, а прежде всего – болезненно злая» [5, с. 404]. Все эти «качества» души можно отнести и к Веничке. Конечно, по Достоевскому одной из важных сторон русской души является обращение к Богу. Веничка постоянно цитирует Писание, сам разговаривает с Богом и с ангелами. Мармеладов говорит: «меня жалеть не за что! Меня распять надо, распять на кресте!.. а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия» [1, т. 6, с. 20]. В романе «Бесы» Федька Каторжный, беглый убийца, тоже опустившийся на социальное и моральное дно персонаж, проповедует: «И знаешь ли ты, чего стал достоин уже тем одним пунктом, что в самого бога, творца истинного, перестал по разврату своему веровать?» [1, т. 10, с. 428]. И у Достоевского, и у Ерофеева человек, сознательно вышедший из структуры общества и из-под «гнета» общественной морали, обращается к Богу. Библия в «Москве – Петушках» – источник основных мотивов поэмы (тема смерти и воскресения). У обоих авторов герои пытаются прийти к чему-то высшему, можно говорить о духовном перерождении, которого ищут их души. Таким образом, с помощью герменевтического подхода мы смогли изучить, как именно Ерофеев сохраняет, но переосмысляет традицию Достоевского в постмодернизме.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1971–1990.
2. Ерофеев В.В. Москва – Петушки / с коммент. Э. Власова. М.: Вагриус, 2000. 576 с.
3. Левин Ю.И. Комментарий к поэме «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева: [Перевод] / Юрий Левин; Предисл. Х. Пфандля. М.: Мартис, 1996. 95 с.
4. Сузи В.Н. Герменевтика: история и концепции: учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 89 с.
5. David M. «Подпольные» элементы в Москве-Петушках Венедикта Ерофеева *Revedes itudesslaves*. 1995. Т. 67. Fascicule 2-3. P. 391-406.